

Елена
Кадомцева

СКАЗКИ ЕЁ ДОРОГ
И ХОЛМОВ

Елена Кадомцева

Сказки её дорог и холмов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72223120

SelfPub; 2025

Аннотация

Для кого эти сказки?

Они для чудаков, творящих «бесполезную» красоту, меняющую мир.

Для мечтателей и юных сердец, для тех, кто ещё только нащупывает свой путь.

Для беспощадных творцов, не умеющих любить.

И для любящих, чья любовь покрывает всё.

Они для всех, кто помнит дорогу домой.

Выбери свою.

Содержание

Овечий домик. Зимняя сказка	5
Мериэн и морской дракон. Весенняя сказка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Кадомцева

Сказки её дорог и холмов

Овечий домик. Зимняя сказка

То, что это был дом для овец, Яна поняла при первом осмотре. Земляной утоптаный пол. Под ногами хрустели глиняные черепки и сухие веточки, бурые листья сбились в комки по углам. Ветер гулял – из левой половины в правую. Одна была жилой, во второй держали животных. Здесь часто делали так. Стёкла почти везде выбиты, но сами рамы целы. Тёмные, гладкие, обработанные от жучков. Даже не красили их ни разу. И дверь цела, только скрипит нещадно. Она подняла голову. Крыша крепкая, без прорех, широкие балки – из того же тёмного дерева, что и рамы. Стены каменные, белые внутри и снаружи. Закопчённые только там, где печка.

«Я буду жить здесь, – решила Яна. – Надо только вычистить всё, вымести сор. Настелить пол. Стены на века. И крыша. И печка есть, даже исправна она...»

Она подошла к двери, ведущей на задний двор, толкнула её. Крошечный огородик, обсаженный можжевельниками, и тропинка к выгону. А у парадного входа вилась коричнево-серая лента дороги, она вела к озеру. Здесь всё рядом – луг, роща, озеро, холмы за ним. До деревни Бэйлхед можно доехать на велосипеде.

«Я буду жить здесь», – повторила она про себя и вернулась в дом, чтобы выйти на крыльцо и сказать скучающему у серого опея агенту, что арендует это жильё сроком на десять лет. В праве собственности, ей как не коренной жительнице острова, было отказано. Ну что ж, десять лет – это совсем неплохо, наследства хватит и на ремонт, и на аренду.

У неё будет свой дом. Вернее домик. Овечий домик.

Так его звали в округе. Овечий дом. Реже – белый дом. Последний, кто в нём жил была Анна. Вернее – мисс Энн Гэбриэлл Джеймс Скитт. Кроме записи в реестре, после неё не осталось ничего – ни горшка, ни стола, ни корзинки. Дом был пуст. От овец тоже не осталось ни клочка шерсти, но имя дому дали именно они. Яна его собственноручно вписала в окошечко указателя на почтовом ящике: «Sheep's House. Miss Ann Pass». Яна Валерьевна Перевалова – значилось в её паспорте.

Она дождалась, когда в домике настелили пол, отремонтировали и запустили печь, вставили стёкла, наладили водопровод и электричество. Потом перевезла вещи. Пришлось купить электрическую плитку. Дрова и уголь – дорогое удовольствие. Тратить их на готовку – расточительство. Свитер и шерстяные носки и так теперь её лучшие друзья, даже в июне. Пока шли ремонтные работы, Яна мониторила каталоги распродаж и местные чаты. В итоге в дом в течение недели доставили стол с ящиком, три табурета, одно кресло (с чехлом и подушкой), кровать из палет и матрас к ней, две полки – угловую и прямую, стеллаж для книг, комод, торшер. И стойку для одежды. А настольную лампу, кухонную утварь, постельное и покрывала, свечи и книги, четыре шкатулки – она привезла с собой. Потом пришлось съездить в Бэйлхед докупить ещё кучу мелочей: занавески, бечёвку, гвозди, мы-

ло, ведра – жестяное и пластиковое, лопатку, совок и щётку, заказать холодильник, прихватить часы в местной лавке, подсвечники и спички.

Вернулась из лавки. Закрыла дверь. Сгрузила свертки на пол и, перешагнув через них, прошла на кухню. В ту половину, где когда-то жили овцы. Теперь там свежие светлые доски на полу и ковёр поверх. У восточной глухой стены – печь, прямо перед ней мастера выложили матовую белую плитку, Яна застелила ее пёстрой тканой дорожкой – рыжие, серые, белые и красные полосы. С одной стороны от печи – крохотная раковина и шкаф для посуды, а с другой – полка и рядом у стены стол с ящиком. Он же обеденный и для готовки. Электрическая плитка стоит прямо на шербоной поверхности печи, сбоку от очага, закрытого теперь деревянным щитом. Яна варит какао в эмалированной кружке, кофе в джезве, кашу в ковшике с деревянной ручкой, жарит оладьи и гренки. Над очагом сохранились крючки. Удобно вешать и доставать – кружку, сковородку, ковш... Прихватки и полотенца тоже здесь – на гвозде.

Ест она рядом, за столом. Листает сториз или читает. Полочка над столом уставлена свечами и сувенирами. Рядом, под окном, стоит зелёный диван и стеллаж с книгами. У противоположной стены – комод, кресло с подушкой и торшер. Вся эта стена увешана картинами. Графика и акварельные пейзажи. В основном наброски. Некоторые даже без рамок. Её неудавшееся студенчество. Впрочем, есть две рабо-

ты признанных мастеров – её тогдашних друзей.

Чтобы попасть в левую половину дома, надо выйти из кухни-гостиной, пересечь крохотный холл (из которого можно попасть в ещё более крохотную ванную и уборную) и войти в спальню. Здесь два окна. На озеро и на дорогу. Кровать и стойка с одеждой. На табуретке под окном – книги. На окне – горшки с цветами. В углу, прямо на полу, на коврик – шкатулки, подсвечники и снова книги. Когда-нибудь она купит буфет, и комод переедет сюда. Тумбочку тоже купит. И туалетный столик. А пока она всё равно большую часть дня проводит в той половине дома. Здесь только спит. Зябнет очень, хоть и разжигает крохотный камин каждый вечер, но он гаснет к утру. Ночь ворует тепло через красивые окна – каждая створка разделена на шесть квадратов. Рамы прочные, дубовые, а вот стекольщики оказались халтурщиками. На растопку камина идут газеты и рекламные листовки, которые Джейк Гейбл-старший развозит по округе на своём красном грузовике. Камин крохотный, спальня велика для него. Дизайнер, которому она скинула планировку, предложил сделать из неё две. Одну для гостей. Но Яна отказалась – у неё не будет гостей. «Нет, совершенно точно, спальня должна быть одна. Здесь станет уютнее, когда я обзаведусь вещами, – убеждала она себя. – И теплее. Летом. А, может быть, даже весной».

А пока декабрь. Ветра распахивают створки, старые ставни не закрываются до конца – петли заржавели. Сколько бы

она не давила на них, не толкала бы – всё зря. Никак. Ветер врывается в дом. Тихо скользит в щель под дверью, хватается за голые щиколотки (надо гетры достать и юбку подлиннее – в пол).

Но даже в такой холод Яна всё равно ходит к озеру (берёт с собой термос и плед). Волны шуршат, набегая, приносят комки тины и пену к её ногам. А ещё деревяшки. Выглаженные волной коряги. Она подбирает их и складывает дома в коробку из-под обуви. Гуляя у озера, она иногда думает – не завести ли собаку? Спаниеля или таксу. Терьера? Победить свой страх перед рычанием и громким лаем. Страх из детства. «Собака – это лучший друг». Только и слышишь во круг. Но когда внезапно раздаётся глухое рычание, а потом острые зубы треплют сапог, думаешь: «Наверно, не мой».

Отчего же на этом берегу, всё чаще приходят мысли о собаке? Она представляет, как гуляет, дышит этим влажным воздухом, пёс приносит ей палку, разгрызает её в щепки, трясёт головой с длинными ушами и обдаёт её брызгами. Он гоняет чаек, роет ямы в песке, а она... Она угрюмо натягивает резиновые сапоги каждое утро, зябнет, пританцовывая, на пути к озеру, потом согревается от быстрой ходьбы. Бежать, бросать, хвалить. Хороший мальчик. Хороший пёс. И на выгон с ним ходить. И в холмы...

Но нет.

Нет собаки у неё.

Яна переворачивает страницу в книге, прихлёбывает чай

из кружки. Все книги, что не случились в её жизни прежде, догнали её сейчас. Сиди, читай. Можно никуда не спешить теперь. Рента капает на счёт. Её хватит на аренду и на кружку пива в пабе по воскресеньям.

Впрочем, она не пьёт пиво. Иногда пробует сидр и эль. Она ходит в паб, чтобы смотреть на людей, чтобы не забывать, что они есть. На ней тёмно-зелёный свитер и брюки-клёш. Штанины цепляются за велосипедную цепь, но она упрямо надевает их, когда идёт в паб. Ей очень нужно помнить, что люди есть. Что она не выдумала их.

Старик Джейк Гейбл-старший привозит ей газеты еженедельно. Яна знает, что его сын – Джейк Гейбл – работает в городе, в частной адвокатской конторе. Он никогда не сядет за руль красного почтового грузовика. Но старый Джейк упрям – дождётся, когда вырастет внук. Ему двенадцать сейчас. Он часто гостит в Бэйлхеде. Каждые каникулы. У него на носу веснушки. Он бегаёт со своим псом по мокрому песку, когда Яна приходит с термосом и пледом на берег. Она угощает его печеньем и сладким чаем (на берегу только такой хорош, вы же знаете). Пёс забрасывает на плед россыпи песчинок. И лает, лает. Яна вздрагивает. Не может привыкнуть. Иногда она достаёт блокнот и рисует. Пальцы быстро немеют на ветру, карандаш выскальзывает и теряется в складках пледа... Яна вздыхает. Она пыталась. Весь этот вихрь – волос, колен, локтей, ушей и лап – уложить в череду штрихов. Когда-то получалось. Всё получалось. Или только казалось?..

Она снова перелистывает страницу. Чай в кружке совсем остыл. Надо встать и заварить новый. Печь шумит тихонько. Внутри гудит огонь. В сарайчике у чёрного входа есть дрова и уголь. Старик Джейк Гейбл привёз ей вместе с почтой.

– Я знаю, тебе надо.

– Да. Спасибо! Но... Мне нечем заплатить сейчас, у меня нет столько наличных, – бормочет она растерянно.

Старик Джейк натягивает кепку и машет рукой – потом, мол – и уходит.

– Я верну на следующей неделе! – кричит она вслед.

Хлопает дверца, ворчит мотор.

С того дня неделя почти миновала. Яна сняла деньги в банке. Положила банкноты в конверт. Сунула в зазор ключницы у входа. Непременно отдать. Дрова так славно трещат в печи, рассыпаются искрами. В приоткрытую дверцу можно смотреть вечно. Только осторожно. Рдеют угли, подергиваясь белизной по краям, лицо обдаёт жаром. Она ворошит угли железным прутом и захлопывает дверцу.

На электрической плитке вода закипает быстро. Яна заваривает свежий чай. Мистер Гейбл приедет завтра. Чем порадовать его? Испечь кекс? Да! И конверт с деньгами за обертку вложить. Дрова ужасно дорогие. А он привёз. Она ни раз спрашивала у него цену, примеривалась, но всё не могла решиться. Купила только брикеты для камина, чтобы совсем не замёрзнуть в спальне. А теперь у нее целая поленища!

«Я испеку кекс!»

Есть и мука, и яйца, и масло. Сахар и масло взбить в миске до пышности, до белизны, добавить яйца по одному. Имбирь и корицу ввести с мукой. Ещё бы лимон, но нет его... Она облизнула ложку. Сладко. Крупинки хрустят на зубах. Теперь печь. Духовой шкаф прочистили, но Яна ни разу не пользовалась им. Придётся рискнуть. Переложила тесто в толстую форму с высокими бортиками. Набросала по верху узор орешками. Замерла на мгновение, выдохнула и отправила печься.

«Если сгорит, срежу корочку и обсыплю сахарной пудрой. А если не пропечется?.. Печка, ты же справишься? Не подведи меня!»

Яна выпрямилась, повесила прихватку на гвоздик.

Их было пять. Потемневших, упрямых гвоздей. Вбитых между камнями кладки. Вешала она на них тряпицу или рукавицу, разгибаясь после топки? Она – Анна Габриэлла Джеймс Скитт. Сколько она прожила здесь? Одна или с семьёй? Чем занималась?

«Пряла шерсть».

Яна вздрогнула и оглянулась. Никого. Только западный ветер стучит в окно. Придётся выйти, закрыть ставни, хоть и не сходятся они в одно...

Яна накинула пальто – длинное, мягкое, с широким воротником и карманами. Память о прошлой жизни. Тогда к нему в комплект шли ботфорты и сумочка на цепочке через плечо. И шляпа. Или очки и платок кашемировый на голо-

ву. Волосы она закручивала в пучок. Как можно небрежней. Прядки сами сползут на шею и у висков. Помнишь?

Ботфорты, сумка, платок и шляпа проданы. Ушли с рук. Пальто оставила, потому что оно было единственным в ту зиму. Нечем было заменить. Так и ходила в нём два года, пряча руки в карманы. Всё к нему шло – и джинсы, и клетчатые юбки до колена. И шёлк комбинации – краешком через запах выглядывающей.

Вот и сейчас, накинуть, поясом стянуть покрепче, руки в карманы, лицо в воротник... Едва завернула за угол – к окну со стучащими ставнями – как увидела: идёт по дороге женщина. В чепце, шаль крест-накрест на груди. Тяжело идёт. Оскальзываясь. Дорога вся блестит ото льда. Ночи морозные, и потом ещё долго сыро, туманно... Женщина до её дома дошла и к крыльцу повернула. Яна метнулась обратно – к двери. Уж не до окна – не затворённого – когда в гости бывшая хозяйка Овечьего дома идёт.

– Элис. Меня зовут Элис, – сказала она. – Крестили Анной, а звали Элис. На бумажке той, говоришь, ещё Габриэлла было написано?

– Да. Энн Гэбриэлл... Джеймс Скитт.

– Ммм, – старуха поджимает губы, молчит. – Что в печку поставила?

– Пирог, кекс...

– Так вынимай. Сгорит.

Яна накрывает на стол. Чашки, блюда. Её собственные, из Ленинграда (города, которого нет). На них вензеля и цветы. На блюде клеймо. Память. Но гостье её все равно. Она старше. И всё её внимание приковано к кексу на подносе. Он уже разрезан, корочка чуть хрустит, крошки нежные. Элис-Энн бережно собирает их пальцем.

– Зачем я пришла? – переспрашивает она.

– Да.

– Ну садись. Расскажу.

Яна провожает её в кресло, а сама садится на табурет у комода. Элис-Энн не медлит, сразу начинает:

– Дом этот строил мой отец. Ещё когда мать Финна ждала, не меня. Но ни Финн, ни Гейл, ни Карл не пережили и трёх лет. А я прожила и дальше пошла. Отец таскал камни, мать мешала раствор. Рамы и двери он сам выстругал, укрепил. В ту пору дуб грозой повалило, вот из него и делал. Его светлость граф нам разрешил. Отец по ночам ходил, пилил, строгал, всё возил и возил доски. А так рыбак он был. На озере промышлял. К графскому столу рыбку добывал. Знал все притоки и запруды. Все-все рыбные места знал. Но мама меня никогда к воде не пускала, боялась, что утащит меня водяной, и не станет у неё не только сыночков, но и дочери. Так что к озеру я не ходила, а вот пустоши и холмы облазила все вдоль и поперёк. Карманы моего передника были набиты перьями, травой, прутиками, камнями. Я делала кукол. А

куклам – дом, кровать и стол. Что ещё нужно, верно?

Яна кивает, завороженная.

– Я жила здесь одна. Много лет. Родители умерли, а я осталась. Пряла шерсть, вязала. Мыла глину – там, где река впадает озеро. Делала птичек. Таких, в которые свистят, знаешь?

– Знаю, – шепчет Яна.

Элис-Энн озирается, вздыхает.

– Здесь ничего не осталось моего.

– Да, было пусто, когда я пришла. Но...

– А это что?

Глаз у Элис зоркий. Пальцем она указывает на приоткрытый ящик комода, из которого выглядывают нитки – золотые и серебряные – деревянные фигурки (плоские фанерные заготовки из супермаркета), ножницы, клей, краски.

– Это?.. Я хотела делать игрушки. На ёлку. На Рождество. Звёзды, луну и солнце.

Элис поджимает губы, руки она сцепила в замок на коленях. Чепец скрывает её лицо.

– Я тоже хотела. Когда-то давно. Подбирала деревяшки и камни. Собирала из них домики и маяки. Красок у меня не было. Только те, которыми я шерсть красила на продажу. Охра, крапива, зола...

Яна кивает:

– Да. Мне сказали, что это овечий дом, я и сама...

– Ерунда! Овец я держала всего два года. Бестолковые со-

здания. Некому было их пасти – ни собаки, ни сына у меня не было, я тогда ещё молода была, вот и сторговал мне, дурёхе, проходящий мимо делец овечек... До этого я только козочек держала. Три мои красавицы. Мэри, Олди и Рей. Я пряла козью шерсть. Но их, одну за другой, забрал дивный народ. Ушли в холмы и не вернулись. Уж я искала их, искала, звала... Не вернулись. И я рискнула – взяла овец. Зима была такая лютая, что озеро замёрзло почти до середины. Хлева у меня не было, я заводила своих овечек прямо в дом... А утром гнала на пастбище по серебристой от инея траве... Тяжёлая была зима. Думала, не сдюжу. Пропаду вместе с овцами. Но Бог послал мне помощника. Криса Тэлли. Он сделал изгородь вокруг пастбища, помог остричь овец, помог продать шерсть. На вторую зиму замуж позвал. Он был плотником, здесь, в Бэйлхеде. Но решил подзаработать денег. Ушёл на верфи, в гавань. И не вернулся. Придавило его бревном насмерть. Не вернулся ко мне Крис Тэлли. Ни в ту зиму. Ни в другую. Никогда. Овец я сразу же продала. Пригнала на рынок, говорю – режьте или так берите. А сама снова козочек купила. Они понятливые, умные. Игривые. Озорничать любят. То на крышу взберутся и всю солому поедят зимой, то через изгородь перепрыгнут и удерут... Сколько я козьей шерсти спряла! Сколько связала носков и фуфак!.. Серых с белым узором из звёзд по вороту... Их покупали охотнее всего. И молоко. Для грудных детей. Этим я и жила. Ещё делала домики. Домики и маяки. Из брусков. Но это просто

так. Для себя. Ставила их над камином. Мне там Крис длинную доску положил, вроде полки вышло. Доделать хотел, но не вернулся...

– Куда же это всё исчезло? Кто разорил твой дом, когда... Когда ты ушла? Где все эти вещи?

Элис пожимает плечами.

– Бог весть. Началась война. Парни уходили во флот. Плакали матери, жены и ребятишки... Я была уж совсем старуха. Собрала свои домики в мешок и детям в Бэйлхеде раздала. Кто брал, а кто бросал. Мне уже ничего не было нужно. Оставалась у меня последняя коза. И пошли мы с ней в холмы. Через пастбище, по тропинке всё вверх и вверх. Милли моя словно чуяла – бежала всё резвей. С камня на камень. А мне, наоборот, тяжело было. Колени болели, спина не разгибалась. Но я шла. До тернового куста дошла, а дальше... Не помню, что было.

– Зачем ты вернулась, Элис-Энн?

– Я узнала, что мой дом не пуст боле. Я смотрела, как свет зажигается по вечерам и льётся в щель ставен. А потом увидела дым из трубы. А ещё... Я ведь знала, слышала давно, что дом мой Овечьим кличут. И мне так обидно было. Столько лет прошло, а только глупые овцы и запомнились из всего! Ни я, ни мои козочки, ни мои свитера, ни кудрявый кареглазый Крис, за одну неделю изгородь поставивший! А только глупые овцы! Я пришла, чтобы рассказать. Чтобы ты знала.

– Я знаю теперь. Я запомню!

Глаза у Яны полны невольных слёз.

– Ну и довольно. Вкусный кекс у тебя. Я б ещё лимон добавила и сок ревеня. Садила его на заднем дворе.

Яна кивает, вздыхает порывисто и спрашивает:

– Кто звал тебя Элис, хотя ты Энн?

– Крис звал. Про Элис-пастушку он песенку пел и не верил, что меня могли назвать Энн.

– И это я запомню. Я напишу твоё имя. Там, на табличке у входа. Напишу – дом Элис-Энн Гэбриэлл Джеймс Скитт.

– Нет. Напиши просто: дом Элис-Энн. Так меня звали. А ещё – безумная Элис, Элис-говорит-с-козами, Элис, что сидит на крыше и смотрит, как солнце уходит в сон... Элис собирает мох и камни, деревяшки и плавуны. Делает домики с крышами из ракушек. Безумная Элис. Руки уже не слушаются её, звёзды выходят кривыми, горловина узкой, а рукава длинными. Элис перестала прясть и вязать. Только клеила домики. Старухе Элис было пора уходить. И она ушла. Ты не плачь, деточка. Лучше достань свои красивые нитки из комода и начни делать звёзды, солнце и луну. Начни прямо сегодня, когда я уйду. Не жди повода, нового дня и подходящего настроения. Делай то, что давно хочешь. Собирай крошки в ладонь... У тебя есть этот дом. А раз есть дом – и очаг, и дрова, крыша, кровать и стол – значит нужно жить в нём. Чтобы однажды кто-то, посмотрев на белые стены, на дорожку, на озеро вдалеке, захотел постучать в дверь, чтобы узнать – чем жив этот дом до сих пор? Кто зажигает в нём свет? Кто

печёт хлеб? И вешает звёзды, солнце и луну на окно. И на можжевельный куст, и на терновник в роще перед холмом... Кто прячет зябнувшие руки в карманы пальто, возвращаясь по серебряной от инея тропинке на рассвете... Кто?

А это ты, моя девочка. Ты теперь живёшь в нём. Тебя зовут эта-странная-Энн из белого дома. Твоё бежевое пальто, зелёный свитер и велосипед будут узнавать. Но запомнят, конечно, не их – а золотые и серебряные звёзды на кустах у пустоши... Так что, крепче мотай – виток к витку, ни зазора, ни щербинки не оставляй, чтобы деревянное нутро было скрыто, чтобы только золото и серебро сияли в ночи. Даря свет. И веру в чудо, в сказку. В чудаков, живущих на земле вопреки всем разочарованиям и бедам.

Декабрь 2023-январь 2024 г.

Мериэн и морской дракон. Весенняя сказка

Жить на острове (даже таком большом, как Брита) и не бывать у моря – совершенно несправедливо! Так решила Мери Элизабет Энн Крон, когда ей исполнилось четырнадцать лет. «Невозможно терпеть это», – сказала она. И не стала. Все летние каникулы она работала в лавке мистера Бина. Чтобы на весенних купить билет и поехать в Корнэлл, к морю. Там ей тоже пришлось немного поработать – на кухне, чтобы оплатить комнату в доме своей бывшей одноклассницы Генриэтты. Мать Генри сдавала комнаты курортникам, но сезон ещё не начался – было начало апреля. И поэтому весь второй этаж пустовал. Мери-Энн могла бы жить бесплатно, если б согласилась делить комнату с Генри, но она хотела жить одна (и Генри тоже). Ведь им и так приходилось делить спальню с младшими сестрами большую часть их юных жизней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.